

П О Э З И Я

Аркадий Драгомошенико

Из тетради "В пределах песка".

Воспоминание содержит в себе
лишь только возможность иного
воспоминания.

X X X

Светла как стены выцветшая пыль.
Листва акации струится мертво, сухо.
Рябит в глазах — течет, течет она,
Не уходя, не близясь в постоянстве
 полуночи свернувшей времена,
Подобно списку нераспознанных мгновений,
Сверкавших влажно, как роса, что соткана зарей
 в нежнейшие покровы,
Которых утра ветренная речь не тронула пока
 прекрасным разрушеньем,
И так же мысль твоя — прозрачна и чиста,
Не застит образов бегущих беспрестанно.

Акации малкий шелест, точно ветка сна,
 уже трепещет резко над ходами,
И яблоко безглазое летит сквозь звук папенья
 блестящий, будто бы сквозь сети,
Быть может, детский смех откликнется ему
 издалека. — Как жалоба, как пуговенье
голубоватого и узкого ножа,
хлеба раскрывшего незримым мановеньем.

Невыятым смыслом здесь вода черна,
Неясно страшно выпрямилась мальва,
И в беспокойном месячном огне туманом желтым —
 мне льдадет лампа —
Где пленицы медленно кружат над подоконником;
И древними снегами навстречу вдруг похнет стекло

Я полхожу, я помню. Я стучу негромко.
Я знаю — не откликнется никто.

Крошится как известняк

Ты встанешь и упадешь, и двинешься ледше по снегу,
Флейты алмазный разлом, жар гортанно-превесный
И смех отолохись от смол. И жаль, как пыканье, месяц.
Колодца сверкающий срез, корни волн безмятежны,
Розы что бритвы остры лепестками за пробужденье.
Споткнешься и упадешь, стерней побрекнешь — гулкой и
острой.

Берег — не берег, вола, воронка тусклая зеркала,
Стебель полный как весть в сердце птичье вопьется,
Соловьи в белых глазницах,
Медные грифы Египта,
Голуби быстрые леса,
Кинзаварью окрашены клави
вихарей дымосных,

Твои губы бледны.

И все же — как бледны твои губы. И холодны стеклянные
ночи, в которых дни, словно море, полощут беспредельной
бесцветности небо.

Крылом искристо-серым режется воздух упругий,
Соединяем бездумно дыханье морока с кровью.
Липы шумели ночные,
Коченье дождей разметало звездные мокрое крона,
И колесо не скрипело в коврах шалфея и мяты.
Кричащий дельфин. Стрела кричащая бога в сердце двоим
потускнеда и кровь отдача свое сердце,
Кричащий дельфин — ледяное мгновение бега,
И сам он подстать волосам, вспыхнувшим над островами.
Ночь на песке. Пелена сияющей брызгами влаги.
Вода пожирает камень,
По ветру тянется пламень,
Реки песчаного детства,
Маятник.
Бормотанье.

Зимнее чтение

Угасший лист кленовый о стекло...
Пропрогшая земля у белого залива
Теперь как наша жизнь -- покорна и чиста.

Не открывая глаз.

Изогнута строка.

За ней промозглое и низкое светило
висит в глазнице тусклого

огня на тонких жилах рифм,

Потом весна, туша,

Потом: туда-сюда,

И ветер ноет, будто снов трава,

Скребется лист в окно с упрямством мертвеца,

Осока, горизонт, белесый пар

И мгла тишайшего элизия стекает

по векам выпуклым,

И чайки узкий вскрик

снегами, словно эхо, заплывает,

Любовь ничто не объясняет,

Да прахом полным отгадет строка,

Сухаясь и летя в кругах припоминанья.

Читаешь дальше: светло-синий мох;

Табачный дым ложится на пол,

Но вновь начини с умолкшего конца,

Где, всякий смысл преодолевая,

Всей чешуей сверкающая слов --

Полобно сгнившим, немощным покровом --

Строка сползает прочь и открывает слову

Раскаты тьмы, цветущие огнем

Вер той же тьмы, сметающей начало.

Лом новолуния

Выскользнув из океанического ложа ночи, выступят на волосах, бьющихся по ветру солью, пощобной белым цветам, ливень пыющим лепестками кристаллов, высасывающим по капле иссеченное равновесие воздуха.

Прекрасные, словно десенная кожа змеи, оставленная мерцать влажным покровом звезд, когда змея уползает, погружая язык разума во все времена, а следом, ворочая жернов рева, стада бредут по листве предей, переходящей у гребли в ржавый, дышащий мерно ковер живородный — чуткий.

Пора жаб, муки жаркой, любви узорной, жадного откровения почек, пора снежного хруста безликих стеблей в спинах и под ногами. И день настанет, и дети проснутся в животах женщины, оплетенных лазурными, как августа небо, венами, где свет сочетается с тьмой и завязь тугую слова. В преверьи-простора колос зацвет, зерно разливая. И что месяц лесной — голубыми ногтями детей, кожуру слез спирая с лиц хрустальных, Млечный Путь, но только черным по белому, муравьями по снегу увидят.

И льявол затянет песню пустыни. Там несут его светоносные вихри, постепенно стирая. Расколет копыте лошадь о пьяный камень изгнанья. И сползет верховой наземь — Божья дитя, мешок хмеля дырявый. И белее, белее смерти войска солнца двинутся в скрипящие створы глаз.

О рассказ, поведай еще один раз, как скорпион, исполненный розовой влагой самоубийства, — которого, затаившегося в чашках пыльного ветра у почв, избавил ты от утомительного отчаянья, разлавив стоптанным каблуком —

как двигался и опять замирал он?

Безвестность. Горит ли он как и прежде драгоценным камнем сквозь шесть слоев льна на дне кувшина? Или порождает жар в горле? Или померк он?

Холодные тусклые следки лиц ослепительных на восходе тех, кто идет отовсюду. И, подыскивая сравненье, я тотчас нахожу ящеричь снов, застывших улыбками изумруда в пелухе разможенных раковин. Благосклонность детей, даровавших нам халость в ночь безглазого яблока.

Но ни навстречу, ни шага.
Ни назад. Это ветви что жиды гуляют.
О ком ты спрашиваешь? Что должен я помнить? Зачем?

закован цвет лучащимся песком.

В границах вереска просторных будто разум
Фармским воском россыпь остановишь

огней роящихся у тяжких гнезд зари.
Возлоден двор. Был черн.

Приполюсь, смотри — глазницей брезжит он
за простотой стеною,

Прозрачный, словно брат иль нож к звезде сведенный
из параллельных пвух в уме, или к ручью в снегах,
Где ивы пыльный хруст мятется западней. —

На слове свежестью — потом скользнет у губ,
чтобы поить их горькой чистотой.

Так осень, помнится, мой друг, не сразу
нам отворяет слух. И холодом зрачки прелестным полнит,
Инею дыханья.

Мне дела нет, что пальше. Только ты не спи,
Так сонным льдом цинк голых крыш блистает,
Так розов голубь трупный в устье дысоты,
Так вогнут некий дуг застывшей водою, что наяву в нем
золото сухое твоих зрачков не знает с луной.

Сварнется пустошь кровли, точно тень страниц,
Когда из равновесия ничто оно золой готова обратиться,
Нестись как пух в горячечном ветру по зеркалам
растопленным каналов.

И тонкой ветви хруст, и зерна серебра,
Сливаясь в бег браслета на хуном запястьи,
Крылами отмели мне полоснет в глаза.

Я выговорю:
золото ^{морское} ~~европейское~~ в садах бездонных терпнет прожью.

Как помираенье и солнцем этот мится вечер
на шаткой проволоке дымного ви-
на.

Тонка весна как рассеянье крови,

Талочейся под кожей, будто снег, как рассеянье листьев
в невесомом мире,
Когда мне ни за что тебя не уберечь в себе самом.

Итак, песком горячим
По волосам, ключицам и плечам я руки поведу
к твоим запястьям,
И пальцы разомкну как размыкают рай.

Из тетради "Секретное расследование /расслоение/
растение для одного голоса.

а дальше что? дальше, — как мы уже говорили, —
преклоненные армии берега, белые воспоминаниями, скалы
в лиловом мороке зноя, знамена земли дрожат под стопу
воин, метаморфозы легкого в жабры среди листьев, не ис-
пытанной ни разу рождения осени. Дальше текучее, по усту-
пам искажение дна морской воды и ножицы синевы иступ-
ленное лабиринта раковин в приливе материи —
халкое зеркало стикса едва ли попернется шелестом не-
значительного смещения, следующего по пятам за голосом.

мне снился белый бомбардировщик. он был красив, совер-
шенство его определялось природой сна — так полупнем
стеклянный пар стрекоз.

Чайка стоит на месте — узость —
сухая, отделяющая перо от кости, серебристая узость про-
странства, в которой ветер обретает жилище, тончайшее —
ничто — стержень — знающее силу жара, восходящих по-
токов, увенчанных лозами гибельных созвездий, на мес-
те стоит чайка.

в этом предложении не следует ничего —
менять, приносить от себя, ибо оно ни о чем не гово-
рит, разрушая первый принцип, ни о чайке, ни о месте,
ни о действии. Оно ложно. Оно всегда.

скорее всего погружение в засыпающий воск, чем описа-
ние местности, где я, вращаясь, начинал разделять вре-
мена и видел, как она или он, подобно безответному зву-
чанию, раскалывает адую стену зрения, скатываясь талой
каплей по плоскости дня, прямого как секретное рассле-
дование для одного голоса или растения сложного сле-
дования единому звуку.

так ли все это было теперь не известно, но этого мало, чтобы говорить о побережье, которое иногда напоминает конец лета в труполобном разрушении связей: эфир, огонь, длага, земля, народ, нация и ты где-то в одном, принимающий причудливые очертания в эпоху выветривания.

тут торопливость вредна, хотя, может-
статься, лишь быстроту неизъяснимую разуму противопоста-
вить возможно постоянству. Я не вижу причин, чтобы одно
не становилось другим и не следовало покорно в извыше-
том возвращении, теснее ложась к надреву синева.

близорукий нарцисс,
поиски стекол продоленья, щегол-полный, вкрашенья редкие
меда, перекутые камня, волосы срезанные,
что может быть проще?

вспоминание является только возможностью иного воспо-
минания. постоянное настоящее, полнота не исчерпывает-
ся сознанием полноты, постоянное настоящее, исключющее
отражение четырех времен, перемен, четырех бегств, более
трудных чем пепел. Что может быть проще? Говорить надо
просто. Говорить надо проще, чем жизнь. Итак, чайка, с
которой мы начали, чайка, которую повелось вызвать из
солнечных оползней ожога, птица, по углу излома которой
художники, скользнув едва глазами, определяют степень ее
вовлеченности в неизменность танцующего небытия, неволь-
но перенимая ее повадки, чувствуя как скрепит остов цве-
та в это время, когда она проносится осколком завершен-
ной тяжести.

говорить надо просто, чем жить, с простотой
славясь, в ней растворяя веру.

зрачок это женщина. чело
на в схолстве, вслыхнувшим задолго до того, как морская
вода изогнулась и прынула к двум линиям синева, замигая
как нить нагой солью, — извлечение из моря, — призна-
ки возможного воспоминания. С чего начинается время фо-

тографии? О распялый звезды хрусталик. Извлечение чайки из зрачков, сложных как город. Хотя признаков ушей нет. Домогаясь признания.

5

одывают свечи премоги в потрескивающих рамках тумана. Радуга виска, непричастность высоте угольного крыла, сбор винограда в отвесных реках светящегося кроша. Собор грома. Расстояние между отчетливо мыслимой точкой слияния плоти и ветра и времени, когда. Пригородные поезда, деревянные игрушечные ужи, уходящие спасительно глубже в затаенность металлического тренья стекла о ветви. Прилагается любое действие, любые поясняющие глагольные формы. Я думаю, народ любит Савонаролу потому как люди всегда любят, из детства глядя не моргая, оживающих кукол. Огромная кукла плача, которую осунут. Бобовых королей сукровица. О распялый звезды хрусталик... Переход от бледнеющей тверди к лицу и к стене, от твари к серафическим построениям, к заоблачной меланхолии птиц, живущих — всегда замышлявая на мгновение — только в сознании, в равенстве сторон и углов.

говор лимонный к зиме, рисовое облако, несчастия нежные деньги.

семена влажного льна либо зерна арамейского птицам мозга купи поля разума жгут.

серой полоской дорога перерезает ковы черный шиповника.

6

утраты суть узлы, что не дадут людям развеять в драк горящие деревья, а нам, пропавшим, повернуть к домам, где в винных, черных пятнах призраки веселья — оповремению за чертой значения и тут — не соблазнись чертой — сродни огромным мокрым солнцам. Нам привычны хребта такой не увидеть. Легли хлеба и глина — раб, к столам приназ, в кольцо устлать как ненавистью, заключает шаг. И блещет трещин сеть сухая в прохладном равенстве

двойного

рождения каждой вещи.

чайка — устье воздуха, вспоминаю.
Надо усвоить. Лоне глазищи, истечение времени, родник,
что ширится, сметая затем поражение и обрывая мысль.
Каждый, кому захочется, скажет — да. Но что да? Ты? —
Ползущие поля? Море, вытесненное из чтения? Песок? Непод-
даваемая точность ветра? Обручение жесткой охры янтарю
ртов?

да, их следовало бы назвать безнравственными, когда бы
не чарующая легкость, с которой они путают умышленное и
невольное, избегая казни луной.

7

объезд свой раскаленный ночь в телах завершит. Час, когда
звезда знает, не зная, как переплыть ей озеро лимба, не
общая ему ничего, кроме прозрачности, отрезок, когда ца-
но в цепи сравнений беспечно тебя угадать, в лесу делящем
жалобно теней. Разумеется, нет. Час, сокрытый в каждом
слове, сожжен в виде оловом. Труппа актеров заезжих пред-
ставляет после полудня воскрешение Лазаря. Лице, освещен-
ное скрипом костяг. Суббота, за ней воскресенье, потом —
понедельник... попипись. Кажется, я не ошибся. Письмо по-
писано. Поцелуйи клея, вар теплой мечты. Со второго звука
письмо принимается выраживать прошлое.

И надлежит ждать, подробнейшим образом переселяясь в ка-
лендари, прогнозы погоды, чтобы не остаться в лунных по-
мах фотографий случайных. Таковы инструкции песка.

8

/венки сонетов, связка раковин, ключи, падающие
в лестничный пролет/

в самом верном пристанище, в себе самом кольцо змеиное
замыкает дерево. Дитя спокойно, светильник самому себе.
Хромированные спицы проехавшего остывают в маслянистом
вращении.

Голубь, камень, корявое дерево. Облака несут-

ся в империю Тан мимо осины на жарком пригорке. Голубь сверкнувший, ржавчина сползает на припеке, камень, убегающий разветвления. Не плачет дитя, надменное внезапно, росе на ветру или синтаксису подобно дне, тающему на перекатах упокоений стеклом полным воды. Действия не заканчивая в цепи свершений. Я гадаю, зачем нужен был ребенок. Во-первых, открытый камня излом и ржавчина ссадины, ракушечник, вечер, затем голубиное дерево, но прежде не соглашаясь с возникновением цвета. Он слишком явственен. Извлечь надежит из очертаний, наименования хрупкую плоть, наблюдая странную свободу оболочки, сходную с мупростью насекомых, предпочевших бессмертию "вечное возвращение", не во многом и с человеком, вырвавшимся из холода иглу смерти. Нить тка. Никто не спал.

9

я не замечал, чтобы спали. короче, меня не касается — спят или нет. . . .
одиночество лопок в камнях, в рвущем сером песке. При спичке горячей он надминает умную жизнь сумасшедших, вечность илущих к воле. Ракушек тяжесть на лесе звона, известковая шероховатость велосипела — миру сладостному подобен: солнце играющее с солнцем, ботва, обжигающая щеки, кузнечик в чертежах высот. Опять облака уходят в провинцию. Снова небо огромно, как любая мысль, когда огibt слово.

10

и скорбь травы сухой, безгубой, у колодца мне открывала величие охры. Так начинало светать, так лицо обретало природу осеннего нужного льда, в котором, словно в скважине цветенья, срезанный стебель лег вдоль туманной реки, неспешной как сентябрьский полумесяц полдня. И ребенок не плакал. С чего ему плакать? Губы незримого солнца пылцу собирали, шарят пальцы воды. Рукавом рогами любви Гельперлин рот прикрывает щербатый, всматриваясь. Неперстные кольца нефрита, убежище круга, го-

рящая грязь под ногтями.

только ни слова мне о мостах.
перебирают отливы чертн тьмы уже не зеленой и влажной.
Острова расторгают глинные связи игры меж пространством
в себе отраженном и влагой.

Мы здесь были в 1974 году.
Еще раз были в восемьдесят втором кажется году вода упала
в морге онкологической клиники было сыро, пусто,
отдаивалась штукатурка падала с плеском мы видели про-
ходя мимо в заборе дыра такая есть синего газа све-
ченье по стенам рдеющее точно лист в прикосновеньи к
железу.

11

почва яви, коса пыли, острова желтизны делая уходят
— можно было бы написать: и приходят — дальше, оставлен-
ность лопок невыносима. а в прополженьи был, мнится так,
иней? не было мертвых на всем протяжении воды. как же
они похожи полчас на мучительное предостереженье корн. —
отвратительная пресная кора у губ, но потом странная чистота
в зимние вечера. он оттаивает. секретное растение
для одного голоса. но потом я не могу. взять в толк, почему
она такая чужая, будто изображение ангелов.

скажи, скажи,
что туман — повторяешь — окно, его отворяют, окно и
туман, движение рукой, повторенье движения, еще одно по-
вторенье спустя, так и начини, настаивай, что мельчайшие
каши не только окрестности застилают, уток призрачных
в глиняных белых прудах,
но приближают издалека фонари.

ветер освещает безветрие. цитата.

и сквозь прорезь слезы, набежавшей с залива,
то ли парус по блеска расширенный рябью, то ли платье
свистящее к концу промелькнет.

незнание. Вот с чего надлежит начинать. Ложь не отпелена, — когда не знаешь, (и только незнание), зачем поднимаются веки и нужно ли имени имя. Оно способно вести, слишком много дыше известно орфею, а нам известно о нем. Вспомнишь ли, — на душе снова спокойно. И так же, — как в разбеге, в распе-ве вести свистящем расступалась оскока — гордость смыкается, хотя и не путь она вовсе, одно лишь преддверье, — умноженное на срок нашей жизни. Однако пагуба ее чудесна — настолько, что напоминает война, выдуманного войной, созданного войной, когда по колено в гнили замирает он, опутанный венами молний, червями огня, беснуя высоким голосом с маленькими богами дыма на языке шелестящих стеблей.

комек ястреба . . . хрустнувший в дальцах рассеянных.
капли одна за другой словно неведение мерны.

Переводы с китайского

1

Минь Сунь -- Хуаянь Юнь
с просьбой прислать три меры риса.
к празднику поминовения Па Ун Дзи.

Это ли не повод отложить в сторону
безнадежно сухую кисть.
Чем же смочить палочку туши? Водой?
Нужно ли говорить, что у желтых источников
кончается омованье,
Не сейчас -- так с вершины Цанхай
созерцать паденье влажного ветра,
рябь распустившихся вол.

Желтая кувшинка,
Напоминая.
Но, бывает, и летом сквозь снег
открываются луны,
Словно на свитках иная кисти господина
Па Ун Дзи со Второй Переправы,
Последнего цензора нефритовой антологии,
Главного чиновника церемонии
извлечения Пятого Звука.
Примите также и риса,
О, уверяю Вас, вид его на губах моих
боле-усмешки не вызовет.
Долго кипящая вода в котле -- мысли об облаках.

2

Устремление к северу

Протягивает руку с веткой ивы -- смеется,
нет листьев на ветке.
И опрокидывает чашу с вином. Огонь тих. И
говорит: еще не заставка, но вот вручаю Вам
эту ветку.

Помните прошлое лето? Смеется. И проползает,
Оборачиваясь. Остается снять эти жалкие тряпки —
показывая на флаги. Думаю, что хозяин этой
дыры прекрасно осведомлен о числе углов
большого квадрата...

С востока на запад тягуче падает птица.
Но туда, куда направляетесь... там нет вовсе гор!
Возможно ли при отсутствии их замечать изменения?
С чем сравнить снег? Облака? Со смехом ли,
согревающим рот?

В чем найдет опору Ваш взор?
Отвечаю. Разгребая мховой веткой угли. Огонь тускл.
Как бы не вознеслись высоко вершины к снегам неба,
Еще дальше, осенней паутины подобна, лежит черта,
отделяя сосну на берегу от ее повторенья.
Однако сколько поучных вопросов! И между тем —
отворачивайте рукав, когда протягиваете
к вину руку.

Уходим.

Тысяча с чем-то лет назад.

Корой застывает хадат.

Ночь выпрямляет льдом петляющую дорожку.

ACCIDIA

Что делать — идти.

Что делают — уходят.

/из упражнения/

Л и н Х е д ж и н ь я н

1. если ртуть, сворачиваясь, отвердевает во льдах изнежи,
и зной, встречаясь с иглами ясновиденья, вливается в
пугливую беглость покров,

следует

разбить

зеркало

языка

Плохая примета разбитое зеркало. Как-то в летнее утро я был разбужен нечеловеческим воем: мать кричала; повесился дед.

Полнимался жаром пылуший день, мотыльков став в то лето металось без усталости над огородами. Все начинается с ошибки зрения, с распыления вещи, замершей в обреченном единстве /учиться сквозь сон распознавать предметы и вещи. таково обручение. /

Мак мотылька.

Раскаленная почва.

Из ключицы растущая мята.

звенья ошибок слагаются в зони зеленого — не бессмертья. затем смуглые кольца руин. степени разрушенья листа, лестница, ведущая из прямого чередованья.

Описывая звезду ветра, её лучи на сорока страницах схоженья, можно искать струп жеста, если снег сном изъеден. Нанесение цвета в местах слиянья со ртутью.

Он шёл по улице, подобной руслу древнего перечисления пропорций и соответствий. лица узкий путь, фонарь среди воздушных темнеющих вихрей. запрокинувший голову блеклый египет бабочки. ты знаешь, как сыр зреет во тьме низкой, в камне материи.

Хризолит према проста.

Имена
тягостного нарицанья. премота, сквозь которую узнаванье
сочится. Рцн.

Но она. Должна ли остановиться?
Кладка стены, осыпаясь, струится к концу.

Плесн заката в полосах беглого золота.
Или четные углы лазури, в которых с охотой купаются дети,
как в пламенах неистовых ангелы, вкусившие некогда
яблока смеха.
Днем это.

Тогда каждый стебель терлет ночное значенье вечность
и зеленъ стелются сиво в песчаниках над родниками. Крит
и Крым — одна полынная глина для пористого кувшина —
слагу избывшая речь в размахах мерно звона
Критокрылая пена и горле пощел створи
швы рвов улитка циклона перенимает биение зноя во льдах
изнанки
затем абсолютное черное.

Или равновесие облака.
Ожиганья ловушки в нем тлеют, схожие с корзинками в руках —
рыболовов, когда те плетут их быстро и споро из сырых иве-
вых прутьев, душистых что волосен для утренних пасмурных
вод.

Нисхождение страниц.—
Рыб стальной плеск. холодное утро было тогда неминуемо—
рассвет платкатовых мешков на кухне.
долго гниющие розы.

2. ошибка зрения поначалу — заклинанье волос. война
идется 37 лет — полагает и новое похищенье персефоны, еще
одно в ряду подобных. прогоревший спектакль.
Илущий по улице..
колышется в нем преступно растущий, страшно медленный Бог.
Илущий к концу подберется, точно к прыжку. и неизбежного

тогда, /произносится с нелепым восторгом/, что-то с нами
случится. Иначе, стоит ли жить, произносим, он повернет,
обращаясь с трудом, ось спины оглябая: так выпрямляется
следующая строка из отчаянья,

или же чаянья, срастившего ложь с чутким терпеньем, улуша-
ющим в светлую ночь на пустыре травн. перелты не спеша,
какие ждут с возмечением гибели в смерти соседней.

или млечные слезы клее.

нее ликущий кость гладкую воя на свалке горячей резины.

мне не снился белый бомбардировщик,

и дочь, по мановению ветра переходящая из тела сестры в
кровь жены и царьцы, в серебристое истечение проказн. —
казалось бы этого для мечты хватает с лихвой.

иными словами:
чтобы плыть, не плы и не тля — где тлит — хрустнув шей-
ными позвонками в венце хохота

в белом обруче тяжести.

кроны орехов

меркнувших кленов

пурпур склонов червивый

миллионы львов золота взойти готовы из ресницы заката,
отсекающей, падая столь тягуче с востока на запад, что
забываешь о пеньи тех, кто, неба касаясь языком угасшим,
перерезает движения нити,

Из которых кто-то не знает, как жить ему без когд-то.

Или наоборот — в ночи утоная бесечно, петям полстать
в лазури рассыпанной углем, ангелам миним в золотой пыль-
це смеха за постоянства завесой, за островами.

Там сторожем

был я когда-то. заперался в конторе,
наблюдая за тем как меняются воздуха формы, по свече вка-
пывая у каждого перева.

Воду ждал.

Она восходила, переполняя пыханье.

Плавно теряясь, облако проходило в глазницах луны,
в тканях сквозящей листвы, в отрешьях чертополоха.

Погружаются в переле оба, меняясь как воздух,
изменяя пространство себя, точно тадо, жнущее себя посте-
пенно. Вспомни лис же тогда и холотные хрупкие гнезда
отметины ягод не помню запястья ложбина
у локтя в изгибе тление венн
это лес.

Или осеннее поле. Пара шорох ду рта, заячий крик,
скользящий по краю. Поле. Определенья дичего не добавят
тому, к чему устремились, сметая друг друга. Тихо метет,
наматает, и тает звон за зыбкой стеной снегопада. Ворона
сносит. Вьет о скалу незбылимой ночи. Пороша, пустынные
колки дичи.

В сколах огонь,
позлние схолии дыма,
пориста глина.
ливней высокие створы,
валятся тяжкие звезды в глаза Скарданелли.

Некогда.

Падают птицы в зиянье полярных провалов. Перья птиц небыва-
лих над полюсом.

Цвет сворачивается полстать ртутной коже.

Возвращенье царичи в пратело сестры меркурий и пена
пшеница мак и вербена сирень в северной мгле
аурум тлена.

Она неподвижна. Однако здесь не о числах, сравнимых с
криптами первых ошибок. Всплывают тысячи строк.

десять тысяч миров
на поверхность стремнины.

Глухонемой снажный жест.

Так ли все было?

И мост, обогнувший черное виноградное море.

Шаг ли по улице кто?

В дальте вечера гость. Черная хвоя прилива.

3. . гордо умирающее описание, чтобы стать описанием,
раздражение при разъединении белого.
никто не в силах упрекнуть меня в том, что вера моя нече-
тизна. и вот, сокровенная, ты приходишь — о тростниках
можно думать —
преступая до отрицания светенных различий. Число. Род.
Падает.
Бабочка с окровавленным ртом постепенно теряется в проеме
визга.
